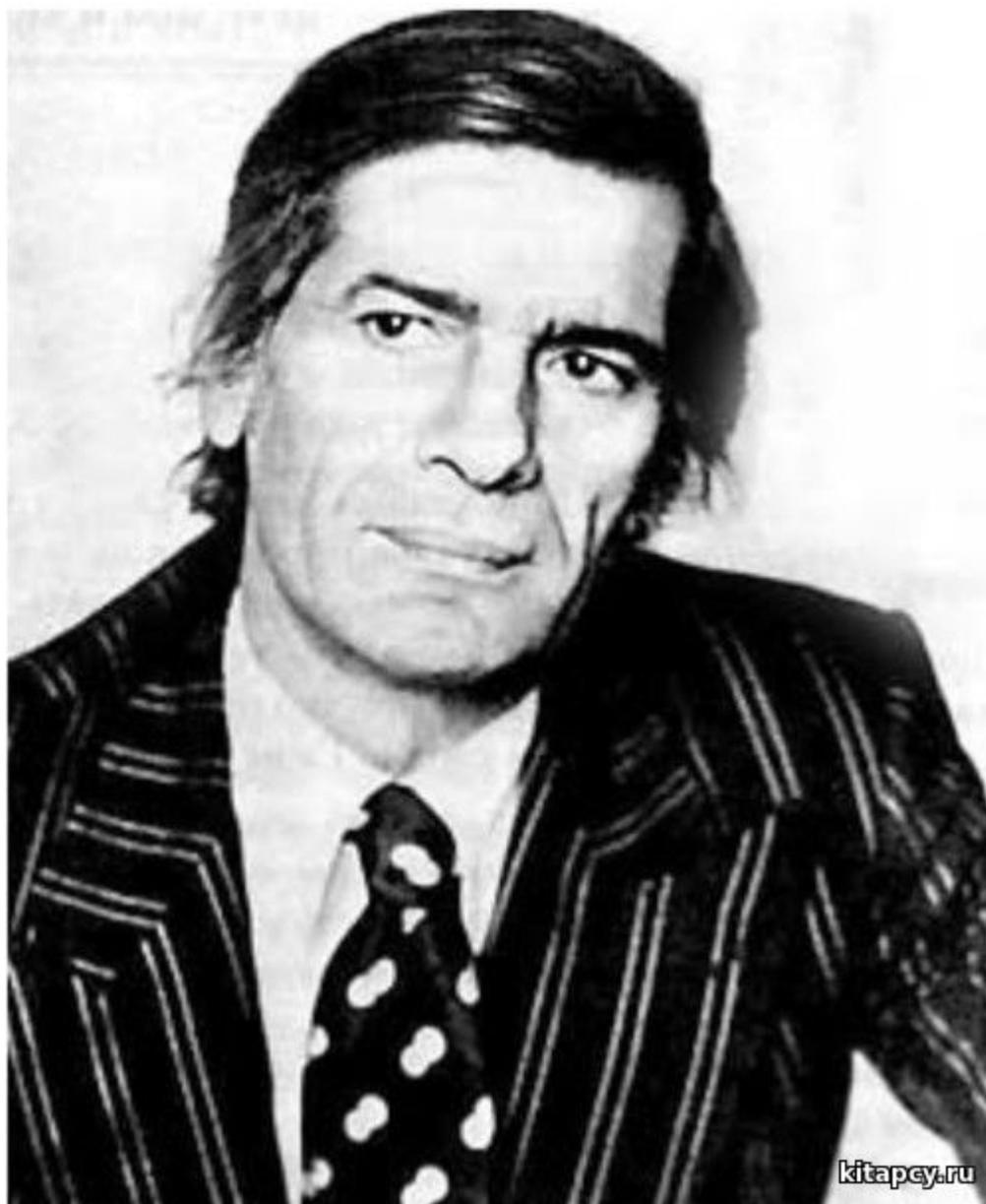

Муин Бсису – Поэт Палестинской Революции

Category: Edebi makalalar, Kitapsu
написано kitapsu | 26 января, 2025

Муин Бсису – Поэт Палестинской Революции МУИН БСИСУ – ПОЭТ
ПАЛЕСТИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Телеграмма исполкома Организации освобождения Палестины, поступившая на корпункт «Литературной Газеты» в Бейруте, была короткой. Она гласила: «Борец и поэт палестинской революции Муин Бсису скончался 24 января 1984 года от острого сердечного приступа: «Позднее я узнал, что это произошло в Лондоне,

откуда он должен был отправиться в Москву.

Рука невольно потянулась к полке, где стояли две дорогие для меня книжки Муина. «Мой Советский Союз» – книга поэтических очерков, вышедшая в издательстве «Прогресс» в марте 1983 года, и его самый полный сборник стихов «С Палестиной в сердце», выпущенный издательством «Радуга» в конце того же года. Я медленно листал сборник, перечитывал старые и последние стихи и вспоминал наши встречи с Муином.

* * *

Мы познакомились в 1977 году в Бейруте. Впрочем, к тому времени я уже знал его: по книжкам стихов, по газетным статьям, по рассказам палестинцев. Тогда же я был приглашен на митинг, посвященный героям Палестинского движения сопротивления, павшим в борьбе за освобождение оккупированных Израилем арабских земель. В тот день палестинская революция награждала памятными медалями и дипломами своих лучших писателей, поэтов и художников.

Первым был награжден Муин Бсису. «Поэту революции от палестинского народа», – гласила надпись на медали. Награда заслуженная, ибо его жизнь и творчество были неразрывно связаны с палестинской революцией, отданы борьбе за освобождение родины.

После митинга он пригласил меня в гости. Жил он в районе Факхани в небольшом доме, расположенном на тихой улице, выходившей к набережной. Его скромная квартира, казалось, состояла из книг и как память дорогих ему вещей, напоминавших о родине, о тех уголках земного шара, где ему довелось побывать.

Запомнилось еще, что он очень заботился о каких-то деревцах, посаженных им на балконе. Уезжая из дома, он всякий раз напоминал, чтобы их не забывали поливать.

Усадив меня на диван и поставив на журнальный столик чашку приготовленного им кофе по-палестински, он сказал:

– Сначала я почитаю тебе стихи. В них судьба моей поруганной родины, жизнь и борьба моего многострадального народа....

Он на мгновение задумался, затем прошелся по комнате и, остановившись у раскрытого окна, за которым шумел город, начал

читать.

У меня за спиной –
чужие знамена,
тюремные окна –
кольца змеи.

Родина!

Я – твой, распятый – верю:
снова коснусь ногами земли,
далекой, как солнечный шар,
снова пойду по земле,
с изумленьем
слушая собственный шаг.

Я смотрел на этого худощавого, давно поседевшего человека, жизнь которого, как и трех миллионов его соплеменников, прошла в изгнании, вдали от родины. Я слушал его стихи и как будто сам становился невольным свидетелем тех давних, но и по сей день памятных событий.

* * *

Муин Бсису родился в октябре 1930 года в Газе – древнем палестинском городе на берегу Средиземного моря. В 17 лет вступил в Лигу национального освобождения Палестины. В 18 опубликовал в газете арабских и израильских коммунистов «Аль-Иттихад» свое первое стихотворение «Им не пройти!» Оно листовкой разлетелось по земле его родины, охваченной войной между арабами и евреями, начавшейся на следующий день после провозглашения в ночь на 15-е мая 1948 года государства Израиль.

..Что ни день, кошмар наяву.

А ты закопал свой голос во рву!
Встань, крестьянин, у них на пути.
Не то зарежут тебя серпом,
тобой же отточенным, – на холме,
где колосится твоя пшеница.

Они родимый твой край разорят.
Лживым посулам их пушек не верь:
они не маслинами начинены,
не апельсинами начинены,
цепи и плети – вот их заряд.

* * *

Ах, если б не они,
Нахиль,
мой ручеек, –
я с охапками лилий
к тебе бы примчался вмиг,
и вырос бы мой Тауфик
возле твоей Рахили.

– Я знаю, они были несовершенны, – признался Муин. – Но мне хотелось в поэтической форме рассказать о борьбе палестинских крестьян и рабочих. Мне казалось, что я имею на это моральное право, поскольку сам принимал участие в демонстрациях и забастовках.

В 1948 году в ходе первой арабо-израильской войны около миллиона арабских тружеников, веками живших на палестинской земле, были изгнаны с родных мест и превратились в беженцев. Больше пятидесяти лет прошло с тех пор, но жизнь на чужбине теперь уже почти трех миллионов палестинцев продолжается.

В тот страшный год Муин не оказался среди беженцев, но, как и все его соплеменники, на долгие годы потерял родину – Газа стала частью Египта. Тогда он написал:

Моя земля – безрукая богиня.
Одна на свете – родина моя.

Азы политической борьбы он получил в Каире. В египетской столице он учился в университете и активно участвовал в движении сопротивления английским колонизаторам.

Однажды ему поручили встретиться с каирскими рабочими-печатниками. На этой встрече он прочитал свои стихи. Каково же

было его удивление, когда через несколько дней к нему пришли представители стачечного комитета и сказали, что они решили на свои деньги издать книгу его стихов. «Сражение» – так назывался этот небольшой сборник.

И вот снова родная Газа, которая «тысячу раз умирала, и все же стоит». Он писал стихи, и продолжал борьбу за счастье своего народа.

В эти годы начал мужать и крепнуть его голос. Вскоре вышел сборник его стихов «Письма», который переиздавался шесть раз. Потом он напишет новые книжки – «Палестина в сердце», «Деревья умирают стоя», «Я пришел, чтобы назвать твое имя». Они найдут широкое признание в арабском мире, их переведут на многие языки.

Но все это будет позднее: Пока же ему предстояло пройти через невзгоды и испытания. Их было много. Наверное, хватило бы не на одну жизнь.

В середине 50-х, живя в Газе, он числился в списках неблагонадежных. Тогда же за участие в антиизраильских демонстрациях он был арестован и в первый (увы, не последний) раз брошен в застенки, где в общей сложности провел семь лет. пытки, издевательства, унижения – все испытал поэт, но выстоял. Что только не придумывали тюремщики, чтобы сломить его волю, заставить отказаться от борьбы.

– Я находился в тюрьме, – рассказал мне Муин, – когда сообщили, что жена родила мальчика. Я был рад первенцу. Об этом стало известно тюремной администрации. Меня вскоре вызвали на допрос. Израильский офицер положил передо мной чистый лист бумаги и ключи от моего дома. Он сказал: «Пиши, что ты отказываешься от борьбы, забирай ключи и топай домой». Как мне хотелось увидеть жену и сына:

Но поэт не поддался соблазну. Лист бумаги так и остался чистым. Вернувшись в камеру, он написал:

Подали карандаш и бумагу,
сунули в ладонь ключи от дома.
Бумага – ее запятнать хотели –
зашуршала: «Держись!»

Карандаш – его испоганить хотели –

проскрипел: «Держись!»

Ключ от дома звякнул:

«Ради каждого камня

в нашей с тобой лачуге –

держись!»

И Муин держался! Боролся и писал стихи. Именно за тюремной решеткой он, по собственным словам, создал свои лучшие произведения. Они писал их на сигаретной бумаге и тайно переправлял на свободу. Это были мужественные стихи об истерзанной, окровавленной родине, о борьбе палестинского народа-мученика за возвращение к родным очагам.

Он выходил из тюрьмы, снова включался в борьбу и продолжал писать стихи. Но израильские спецслужбы не спускали с него глаз.

Судьба забросила его в Ирак. Это было в те годы, когда у власти еще стояла королевская клика, когда лучшие люди страны томились в «иракском Бухенвальде» – концлагере «Нукрат Сальман». Муин не был сторонним наблюдателем: днем он преподавал в средней школе, а вечерами помогал коммунистам.

Позднее, на одной из встреч с читателями, он скажет:

– Поэт живет не в райском саду. Мир для него не прост. Палец поэта всегда на спусковом крючке, глаз смотрит в прорезь прицела, и голос его всегда можно различить среди голосов тех, кто находится в передней траншее. Он обязан бить в барабан, пока продолжается революция.

Слова о назначении поэта не случайны. Они выстраданы, проверены собственной судьбой.

Сколько раз его хотели сломить: Сколько раз судьба готовила ему тяжелые испытания: Но сердце его не ожесточилось. Напротив – оно еще шире распахнулось для людей. Страницы блокадного дневника Тани Савичевой для него также близки, как горе палестинских вдов и сирот.

С тех пор,

как я о тебе услышал

и прочитал твои девять страничек,
осколками стекол
любая из песен
мне режет горло.

* * *

С 1966 года он жил в Ливане. Но застать его дома было практически невозможно. Как и большинство палестинцев, он активно участвовал в Палестинском движении сопротивления, являлся одним из руководителей службы информации и пропаганды Организации освобождения Палестины.

Сколько раз, находясь в Бейруте, я звонил ему, но на мои звонки жена Муина обычно отвечала: «Он на юге Ливана, читает стихи бойцам сопротивления:», «Только что ушел на встречу со студентами:», «Уехал в Москву на конференцию:», «Сейчас он в редакции, придет к полуночи...»

И все-таки нам удавалось встречаться. Чаще всего – на его поэтических вечерах. Если бы вы, читатель, слышали, как он читал свои стихи. Ощущение незабываемое...

Он начинает почти шепотом: Прядь спутанных седых волос упала на лоб. Рука плавно поднимается, словно раздвигая пространство, и зал стихает. Долгая, напряженная тишина. Кажется, что слушатели перестали дышать. Низкий, хриплый голос набирает силу, он подобен орлиному клекоту...

Взрывная гортанная арабская речь плывет над залом, рождая то бурное смятение чувств, то покой, обманом вкрадывающийся в сердце. Голос поднимается выше и выше. И неожиданно – так, что вздрагиваешь, – обрушивается на твои плечи, слова стегают, бьют наотмашь, хочется прикрыть лицо руками. И когда кажется, что больше не выдержать – лопнет натянутая струна, рука падает вниз. Тишина...

Нет сил для привычных аплодисментов. Да и уместны ли они? А поэт читает дальше, ничуть не заботясь о произведенном впечатлении. И снова слова бьют наотмашь, и снова натягивается струна, вырывая из тебя душу.

Неистовый, яростный, бурлящий – таким он запомнился мне в тот

вечер. Помню я его ироничным, когда в двух словах рождался образ, который повергал собеседника либо в восхищение, либо в смятение, либо: Словом, все зависело от того, кто сидел перед ним. Помню я его в волнении, когда он размышлял о судьбах людей, о радости любви, о том, как страшно терять друзей в бою, а еще страшнее – в жизни...

Сталкиваясь со сложными проблемами, когда клубок противоречий напоминал гордиев узел, он всегда находил правильное решение. Его подсказывало сердце поэта, разум политика и опытного организатора. Не удивительно, что именно ему было поручено возглавить арабское издание журнала «Лотос».

– То, что простительно для читателя, для поэта – непозволительная роскошь, – часто повторял Муин. – Я имею в виду жонглирование идеями. Читатель сеет сомнение в своем сердце, а поэт – у миллионов. Даже женщину, которая торгует собой ради заработка, можно понять и простить. Но поэта, который торгует идеями?

Он очень любил Владимира Маяковского, ибо для Муина пролетарский поэт олицетворял собой новую Россию – разрушающую и создающую, гневную и радостную. Поэтому, вырвавшись из традиционной формы старой арабской поэзии, он следовал за ним. Как и Маяковский, Муин Бсису – прежде всего поэт-трибун, поэт-гражданин. Потому что жизнь и поэзия палестинца – сгусток боли и ярости, призыв к борьбе, мужеству и стойкости, призыв к надежде.

* * *

В 1982 году, когда израильские войска вторглись в Ливан, все 78 дней героической обороны Бейрута Муин был вместе с боевыми товарищами. Рядом с ним находились его жена и две дочери. Они работали медсестрами в госпитале.

Голос Муина по-прежнему строчил пулеметной очередью с баррикад осажденной ливанской столицы. Его колючие строки громили врагов и предателей, глаза слезились бессонными ночами над гранками полевой газеты «Аль-Маарака» («Битва»), надрывались легкие, выкрикивая в микрофон боевые стихи.

Не часто, но и в осажденном Бейруте случалось повидаться. Он читал стихи – старые и новые, вспоминал Москву и другие города Советского Союза, в которых всегда был желанным гостем:

– Никогда не забуду, – признался Муин, – своей первой встречи с Ленинградом. Я много слышал об этом городе, видел его на фотографиях. Особенно меня взволновало Пискаревское кладбище. Я молча ходил среди могильных плит и думал о вашем народе, о тех жертвах, которые он понес в борьбе с фашизмом.

Именно тогда он принес мне свое стихотворение «Они не пройдут!» и попросил перевести на русский язык. И я счастлив, что выполнил его просьбу.

Вы никогда не войдете в Бейрут...

Здесь вы падете, здесь вас разобьют.

У нас баррикады – мешок на мешок.

В них гарью пропахший Бейрута песок.

За нас каждый камень: И волны за нас.

Они станут гробом холодным для вас.

Век наш великий!

Его назовут –

именем добрым, знакомым – Бейрут!

Муина часто спрашивали: «Где твоя родина?» Грустно улыбнувшись, он неизменно отвечал: «Моя родина там, где проплывают самые прекрасные облака...»

В последний раз мы случайно встретились с ним осенью 1983 года в Сирии, где проходила какая-то международная конференция. Встреча была очень короткой, что называется, набегу. Я едва успел спросить: «Как дела, Муин? Как семья, жена, дети? Как ты сам?» На что он ответил: «Вся семья в сборе. А сам: Пишу, меня печатают, издают, переводят...»

Он крепко пожал мне руку и куда-то пошел быстрым шагом. А мне вдруг подумалось: на асфальте, каких городов не остались твои следы, Муин? Разве есть хоть один город на свете, страна, где тебя не ждали бы друзья?

Увы, теперь не дождутся: Но уверен – никогда не забудут...

* * *

В ноябре 1999 года мне довелось побывать в Израиле. Но главное – я смог посетить Газу, родину Муина Бсису. Действительно, над ней плывут самые прекрасные облака...

20.12.2004

Константин КАПИТОНОВ. Edebi makalalar